

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

М. А. Аллатов

Вторая половина XIX в. — период наивысшего расцвета русской буржуазно-либеральной медиевистики. Имена М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова и И. В. Лучицкого стоят на той ее вершине, выше которой русская буржуазно-дворянская наука о западном средневековье уже не поднималась. Эти русские ученые заняли тогда ведущее место и во всей мировой буржуазной историографии. Советские историки, как известно, отдают должное корифеям буржуазной исторической мысли, определявшим зачастую целые этапы в развитии исторической науки. Положение, которое заняли М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, И. В. Лучицкий или Н. И. Кареев как в русской, так и в мировой исторической науке, едва ли будет когда-либо поколеблено. Это место принадлежит им по праву.

Однако нельзя согласиться с той прочно установившейся традицией, когда игнорируются и предаются забвению другие ученые, работавшие в то время рядом с корифеями и оставившие заметный след в науке.

В числе русских медиевистов, забытых советской историографией, оказались М. М. Стасюлевич, В. А. Бильбасов и Н. А. Осокин. Эти ученые, воспитанные на идеях первой половины XIX в., по своим философским взглядам существенно отличались от своих младших современников, мировоззрение которых сформировалось в 70—80-х годах. Ни Стасюлевич, ни Бильбасов, ни Осокин не принадлежали к позитивистам, которыми было подавляющее большинство историков второй половины века, в том числе Ковалевский, Виноградов, Лучицкий, Кареев и многие другие.

Если начиная с 60-х годов на историческую науку оказывали существенное влияние различные разновидности субъективно-идеалистического направления, и прежде всего позитивизм и неокантианство, то в первой половине века основное воздействие на историографию оказывал Гегель. Русские медиевисты того времени — Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев и С. В. Ешевский — были последователями Гегеля, хотя их отношение к Гегелю было двойственным. Они критиковали мертвящий схематизм Гегеля, в который никак не укладывался живой исторический процесс, и в то же время применяли к изучению средневековья гегелевскую идею борьбы противоположностей и скачкообразности развития истории.

Наряду с традицией, шедшей от Гегеля, на русскую либеральную историографию того периода оказывала заметное влияние буржуазная теория классовой борьбы (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и др.). Ее элементы сложились еще накануне Французской революции конца XVIII в. в виде романистической концепции французской истории, представителем которой был аббат Ж. Дюбо. В годы реставрации теория классовой борьбы получила свое дальнейшее развитие в знаменитой теории борьбы третьего сословия против Бурбонской монархии и оказала немалое влияние на всю европейскую историческую мысль.

В России труды О. Тьерри и Ф. Гизо были чрезвычайно популярны. Славянофилы и М. П. Погодин старались вычитать из них «гибельность» исторического пути Западной Европы и тем показать непригодность такого опыта для России. При этом начавшийся после революции 1830 г. и завершившийся с революцией 1848 г. отказ французских историков от

своей теории использовался как признание ими этой «гибельности», что и должно было, по убеждению славянофилов, послужить предостережением для русских. На другом полюсе тогдашней русской исторической мысли находился А. И. Герцен, который с полным основанием видел в построениях О. Тьерри и Ф. Гизо идейную борьбу французской буржуазии против реставрации. А. И. Герцен высоко ценил борьбу «противоположных стихий», которая составила краеугольный камень этих построений, а в отходе Ф. Гизо и О. Тьерри от их же собственных принципов он увидел политическое и идейное банкротство своекорыстной буржуазии. Выход из этого тупика А. И. Герцен, как известно, безуспешно пытался найти в учении о самобытности исторического развития России.

В буржуазно-либеральном лагере русской историографии можно было наблюдать более пеструю картину. Историки типа С. М. Соловьева последовательно исповедовали теорию «двух закономерностей», двух совершенно различных путей развития для Запада и Востока. Такие историки, как Н. А. Полевой, в картине исторического прошлого Франции и всей Западной Европы видели тот путь, который предстояло пройти и России. В этой связи Н. А. Полевой интересовался и идеей борьбы противоположных сил, насколько это было возможно в условиях николаевской России. Более смело эту идею разрабатывали русские ученые, занимавшиеся западной историей; у них в большей мере были развязаны руки. Это прежде всего относится к М. С. Куторге, который применял к истории Древней Греции концепцию борьбы сословий, взятую у Гизо.

Характерная черта методологии Стасюлевича, Бильбасова и Осокина состояла в том, что, находясь в позитивистском окружении, эти ученые продолжали философскую линию Грановского и Куторги, с той, однако, разницей, что они отбросили элементы демократизма, имевшиеся у Грановского, и заняли либеральные позиции. Политически это поставило их в один ряд с позитивистами. В философском плане Стасюлевич, Бильбасов и Осокин от них отличались. Позитивистов интересовала «эволюция», под которой метафизически понималось непрерывное плавное развитие, что, по их мнению, делало невозможным всякий перерыв постепенности; эволюция противопоставлялась ими революции, объявляемой нарушением законов истории. Этой же цели служило и изучение позитивистами социально-экономических вопросов. Позитивисты подняли огромный документальный материал по социально-экономической истории, в особенности по истории родового строя и общинных порядков. Объективно они сыграли этим положительную роль в науке. Но методологическая задача, которая при этом ставилась, состояла в том, чтобы доказать правомерность эволюции и неправомочность революции. Экономика для позитивистов играла роль связующего звена между природой и обществом в том смысле, что при ее посредстве законы природы переносились на законы человеческой истории от астрономии через геологию, географию и хозяйство к политической истории и культуре. Подчиняя и природу и общество одним и тем же метафизическим законам, позитивисты тщились доказать, что эволюция с неумолимостью законов природы царит и в обществе и это якобы исключает революцию из законов истории.

Стасюлевича, Бильбасова и Осокина, как и предшествующее поколение ученых, интересовал в отличие от позитивистов прежде всего антагонизм противоборствующих сил, который они искали в политической сфере. Их взгляд, естественно, падал не на излюбленную позитивистами социально-экономическую историю, а на историю политическую, где всякого рода столкновения и перевороты были для них выражением поступательного движения истории.

Как и у поколения их учителей, в таком подходе к истории ясно сквозит влияние гегелевской идеи борьбы противоположностей. Стасюлевич рассматривал исторический процесс как отражение «судьбы обществен-

ного разума» в форме борьбы общественных и политических сил. Бильбасов больше всего уделял внимание историческим личностям в обстановке борьбы «разнообразнейших противоположностей». Осокин проявлял интерес к сословной и религиозной борьбе. На этих ученых по-прежнему оказывала влияние концепция О. Тьерри — Ф. Гизо. Характерно, что теория классовой борьбы продолжала оказывать свое воздействие на исследователей в России второй половины XIX в., когда французские авторы этой теории сами давно уже отреклись от нее.

Проблематика Стасюлевича и Бильбасова целиком уместается в этих рамках. Осокин же наряду с историей политической и религиозной борьбы занимался также экономической историей Италии. Таким образом, Стасюлевичу, Бильбасову и Осокину принадлежит особое место в русской медиевистике. Они разрабатывали проблематику, мимо которой проходили позитивисты, стремились исследовать борьбу общественных противоречий, хотя бы и в форме борьбы сословий и религиозной борьбы. Их попытки изображать скачкообразность исторического процесса, их интерес к борьбе классов позволяли им зачастую давать картину событий, более близкую к действительности по сравнению с позитивистами. Стасюлевич, Бильбасов и Осокин имели преимущество и перед поколением своих учителей, так как выступали в период, когда историческая наука в России достигла высокого уровня.

Русские медиевисты поколения Грановского опирались на сравнительно узкую базу источников; их единомышленники во второй половине XIX в. были известны как исследователи, пустившие в научный оборот большую массу новых документов. Между тем о Стасюлевиче и Бильбасове до сих пор принято говорить с изрядной долей пренебрежения, а к Осокину установилось отношение, как к чему-то вроде историографического курьеза. Начало подобной традиции было положено их современниками — позитивистами; для них эти исследователи были представителями пройденного этапа.

По разным причинам еще в дореволюционной историографии сложился однобокий, а потому и неверный взгляд на целое течение в русской исторической науке, представленное рядом ученых-медиевистов. Речь идет об одном из направлений русской либерально-буржуазной историографии второй половины XIX века. Критикуя несостоятельность методологии этих ученых, нельзя вместе с тем перечеркивать тот вклад, который они внесли в русскую медиевистику. Поступать так — значит обеднять русскую историографию. Сказать об их методологических позициях и показать научный вклад Стасюлевича, Бильбасова и Осокина — такова задача данной статьи.

Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) был профессором Петербургского университета. На мировоззрение молодого Стасюлевича оказали большое влияние взгляды М. С. Куторги. Это и определило тематику обеих диссертаций Стасюлевича: магистерской «Афинская гегемония» (1849) и докторской «Ликург Афинский» (1851), — а также ряда более мелких исследований¹. Труды Стасюлевича, как и работы его учителя, были основаны на широком использовании источников. В частности, в своей докторской диссертации автор привлек большой эпиграфический материал; это был один из первых случаев использования греческих надписей в русской историографии. В своих исследованиях Стасюлевич, как и его учитель, придерживался буржуазной теории классовой борьбы. При-

¹ «Критические исследования о речи Гиперида против Демосфена, недавно найденной в египетских катакомбах» (1850); «Облака», комедия Аристофана, и ее историческое значение» (1851); «Защита Кимонона мира» (1852); «Александр Авонотихит и его время» (1856) и др. (Придерживаясь вслед за Куторгой рейхлиновской транскрипции, Стасюлевич писал: «Афинская игемония», «Речь Ипериды» и т. д.).

меня эту передовую для своего времени теорию, Стасюлевич дал немало плодотворных выводов в изучении истории Древней Греции. Он воссоздал сложную картину социально-политической борьбы в древнегреческом обществе, стараясь доискаться социальных причин изучаемых явлений. Так, в исходе Пелопоннесской войны его интересует не победа Спарты, как государства, а победа аристократии над демократией; историю международных отношений он объясняет ходом социальной и политической борьбы в греческих государствах и т. д.

Однако Стасюлевич зачастую стремится прийти ко всякого рода «оригинальным» выводам, или, по его собственной терминологии, к «новым результатам». Наиболее крупная его попытка прийти к таким результатам состояла в отрицании значения V в. до н. э. как наивысшей точки в развитии Древней Греции. В основе этого взгляда лежал тезис Куторги о том, что афинская демократия не являлась венцом политической истории Древней Греции, что ей на смену пришла так называемая полиция, в которой якобы исчезли и аристократия и демократия. Стасюлевич пытался разработать этот тезис на более обширном материале и доказать, что IV в. до н. э. являлся временем не упадка классической Греции, а, наоборот, периодом ее наивысшего расцвета, временем «политики» и объединения Греции (сначала Македонией, а затем Римской империей).

Подобные попытки приводили Стасюлевича подчас к произвольному толкованию источников, к изрядной путанице. Н. Г. Чернышевский показал на примере работы М. М. Стасюлевича «Осада и взятие Византии турками» (1854), что автор берет из источников «все, что ему нравится, произвольно отбрасывает все факты и объяснения, противоречащие его заранее составленному взгляду. Поступая подобным образом, можно доказывать все, что угодно»². В ряде случаев Стасюлевич оказывался вовсе не оригинальным. Как установил Д. И. Писарев (слушатель Стасюлевича), работа «Александр Авонотихит и его время» представляет всего лишь «малоглазное извлечение» из сочинения немецкого ученого Чирнера «Падение язычества»³.

Но больше всего Стасюлевич известен как медиевист. Начало его научной деятельности ознаменовалось участием в известной московской дискуссии, развернувшейся вокруг диссертации Т. Н. Грановского «Аббат Сугерий». В противовес Грановскому, видевшему в исторической науке оружие в борьбе за общественный прогресс, Стасюлевич, как приверженец «чистой» науки, выступил в 1850 г. в журнале «Москвитянин» против «Аббата Сугерия». В завязавшей по этому поводу полемике М. М. Стасюлевич оказался единомышленником М. П. Погодина против И. К. Бабста, а также П. М. Леонтьева (последний, выступая против Стасюлевича, отмежевался и от Грановского). В связи с этой полемикой П. М. Леонтьев дал резко отрицательные рецензии сначала на магистерскую⁴, а затем и на докторскую⁵ диссертации Стасюлевича. Чернышевский чрезвычайно резко критиковал позицию Стасюлевича в этой дискуссии⁶.

В университете М. М. Стасюлевич читал общий курс истории средних веков, некоторые специальные курсы, в частности «О провинциальном быте Франции в эпоху Людовика XIV», а также лекции по историографии и источниковедению средних веков. Но в русскую медиевистику он вошел прежде всего как составитель хрестоматии «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых».

² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II. М. 1949, стр. 606.

³ Д. И. Писарев. Соч. Т. 2. М. 1955, стр. 147.

⁴ «Москвитянин». 1850, III, стр. 130—140.

⁵ «Прописки». 1851. Т. II.

⁶ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. III. М. 1947, стр. 367—368. Подробнее об этой полемике см. И. Н. Бороздин. К вопросу об ученых разногласиях русских медиевистов 40—50-х годов XIX века. Сборник «Средние века». Т. VI. М. 1955, стр. 345—356.

Что касается общего курса западного средневековья, то здесь Стасюлевич был озабочен прежде всего поисками тех «идей и явлений», которые управляли «ходом судьбы человечества и стояли во главе важнейших политических, гражданских и умственных переворотов»⁷. Такими явлениями в средние века Стасюлевич считал варварство и христианство. Поэтому началом средних веков он считал 476 г., когда варвары сокрушили Западную Римскую империю, а концом средневековья — 1453 г., когда новые варвары, турки, сокрушили Восточную Римскую империю. Главным содержанием средневековья, как полагал Стасюлевич, была борьба германо-славянского мира — носителя христианства — с миром арабо-турецким — носителем мусульманства. Все это сочеталось с мелочным фактографическим изложением истории царей и полководцев. Сочинение Стасюлевича «Осада и взятие Византии турками», заслужившее отрицательный отзыв Чернышевского, было написано в связи с тем значением, которое придавал автор турецкому завоеванию, и было приурочено к 400-й годовщине падения Константинополя.

Чтение Стасюлевичем лекций по источниковедению, как отмечал Д. И. Писарев, сводилось главным образом к пересказу источников, а лекции по историографии не отличались оригинальностью. Так, его «блестящая» лекция о Маколее оказалась простым пересказом соответствующей главы из книги Тэна «Исторические и критические опыты». Не отличался оригинальностью и специальный курс Стасюлевича «О провинциальном быте Франции в эпоху Людовика XIV», который был переложением некоторых французских сочинений⁸.

Иное значение имела трехтомная хрестоматия Стасюлевича (1863—1866). Здесь автор развивал традицию, начало которой было положено вышедшими незадолго перед тем учебниками В. Я. Шульгина, в частности его учебником средних веков (1858). Шульгин ввел новый элемент — библиографию трудов русских и зарубежных историков. Стасюлевич пошел дальше. Он стал давать отрывки из источников и сочинений современных авторов. Все это сопровождалось краткими комментариями, главным образом биографическими. Книга давала политическую историю, и это во многом определяло выбор материала. Стасюлевич, например, совершенно обошел такие источники, как грамоты, содержащие обычно материал по социально-экономической истории.

Хрестоматия Стасюлевича пользовалась популярностью, она сыграла положительную роль, прививая учащимся сознательное отношение к историческому материалу в то время, когда в гимназиях господствовала зубрежка. Хрестоматия Стасюлевича долго находилась в школьном обиходе; впоследствии ее стал вытеснять из преподавания сборник документов для средней школы «Средневековье в его памятниках» (1913) Д. Н. Егорова. Однако сам Стасюлевич явно переоценивал свое педагогическое новшество. Он противопоставлял «реальное» преподавание истории по источникам «формальному», которое велось по учебнику, и считал свою хрестоматию вполне достаточным пособием, чтобы заменить учебник. Необходимость обычного школьного учебника Стасюлевич фактически отрицал.

В 1861 г. в связи со студенческими волнениями Стасюлевич вместе с К. Д. Кавелиным и другими подал в отставку и посвятил себя общественной деятельности в области народного образования.

В 60-х годах Стасюлевич много внимания уделял обобщению своих философских взглядов на исторический процесс. В 1866 г. вышла в свет его книга «Опыт исторического обзора главных систем философии истории», в которой автор доказывал, что историю следует рассматри-

⁷ «Общий курс истории средних веков Михаила Стасюлевича». СПб. 1856, стр. III.

⁸ Д. И. Писарев. Соч. Т. 2, стр. 145, 146, 147.

вать «не только как ряд событий, но, что гораздо важнее, как ряд систем общественного разума, следующих одна за другою и быстро сменяющихся взаимно. Даже можно сказать, что в истории рода человеческого идут друг за другом не столько народы, сколько те системы, которых они были временными представителями»⁹. Основной вопрос философии истории для Стасюлевича заключался в том, чтобы объяснить, «в чем может состоять последний и высший идеал общественного разума, его самая широкая и всеобъемлющая система»¹⁰. Труд Стасюлевича представлял одну из первых попыток систематического изложения с гегельянских позиций главных систем философии истории от Вико до Гегеля не только в русской, но и во всей мировой историографии. Но, как сказал Н. И. Кареев, эта книга «с самого начала была обречена на то, чтобы довольно скоро устареть»¹¹. Как известно, уже с конца 60-х годов в русской буржуазной историографии получили широкое распространение идеи Конта, Спенсера и Бокля. В этих условиях книга Стасюлевича, как и само гегельянство, уже считалась пройденной ступенью, а критика, которой автор подверг теорию Бокля, в значительной мере способствовала тому, что книга была скоро забыта позитивистской историографией.

Широким кругам интеллигенции М. М. Стасюлевич был больше всего известен как основатель журнала «Вестник Европы», принявшего такое название в память одноименного журнала Н. М. Карамзина. От старого, дворянского «Вестника Европы» новый журнал отличался своим либерально-буржуазным направлением и противопоставлял себя «Современнику». Редактором и издателем журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич был с 1865 по 1909 г., когда переводителем журнала стал М. М. Ковалевский. Изданная в пяти томах переписка Стасюлевича включает письма к нему И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других писателей. Она содержит богатый материал по истории русской общественной мысли и русской литературы.

Единомысленником Стасюлевича был Василий Алексеевич Бильбасов (1838—1904). Он преподавал в Петербургском университете, затем в Киеве. Свои либеральные убеждения Бильбасов отстаивал довольно решительно, в частности высказывался за ограничение влияния церкви. Характерна в этом отношении его реакция на выступление Ф. И. Буслая¹², требовавшего воспитания молодежи на «народных святынях», «различных религиозных древностях». В противовес этому Бильбасов выдвигал задачу воспитания «здорового русского смысла» на крупных событиях истории народа, в особенности на тяжелых исторических уроках, из которых он выделял татарское иго и крепостное право. Он призывал к критическому освоению западной культуры. «Всегда чуткие к хорошим сторонам западной жизни, мы без негодования изучаем и ее темные, гнилые складки... но изучаем мы их не для подражания, скорее в предостережение»¹³.

Лекции Бильбасова строились под сильным влиянием гегелевской схемы. «Жизнь человечества есть продукт разнообразнейших противоположностей; гниение смерти тотчас проникает в то общество, в котором уничтожены эти противоположности»¹⁴,— таково исходное положение его концепции. Эти противоположности Бильбасов ищет только в

⁹ М. М. Стасюлевич. Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб. 1866, стр. 32—33.

¹⁰ Там же, стр. 33.

¹¹ Н. Кареев. Книга М. М. Стасюлевича о философии истории. Журнал «Вестник Европы», 1911, март, стр. 398.

¹² Ф. Буслаяев. Из Праги. «Современная летопись», 1864, № 6, стр. 3—7.

¹³ В. А. Бильбасов. Исторические монографии. Т. I. СПб. 1901, стр. 42.

¹⁴ Там же, стр. 11.

политической и идеологической сферах; он вообще занимался только этими сторонами исторического процесса.

Наиболее значительное место среди общественных противоречий Бильбасов отводит противоречиям между деспотизмом и свободой народа — явление, чрезвычайно характерное для исторических концепций русских либералов. Римская империя была ареной борьбы императорского деспотизма, с одной стороны, и завоеванных народов за свою независимость и свободу — с другой. Победил деспотизм, и «мировая культура обратилась в мировую пустыню, в которой погибла вся сила, движение, вся разнородность наций»¹⁵. Но движение не может остановиться. Варвары, разрушившие Римскую империю, освободили народы от деспотизма и тем открыли возможность дальнейшему ходу истории. Но в средние века возникло новое противоречие: Рим в лице папы вновь становится средоточием деспотизма над народами. Борьба между папским деспотизмом и народами и составляет, по мнению Бильбасова, основное содержание истории средних веков. Это противоречие находит свое разрешение в реформации, которая открыла Европе дверь в новую историю.

Концепция В. А. Бильбасова делает понятным направление его исследовательских интересов. Основное свое внимание он обратил на историю борьбы германских императоров, а также реформационных течений с папским престолом, поскольку, по его мнению, это было выражением основного противоречия эпохи. В центре изображения тех или иных событий Бильбасов ставит деятельность известной исторической личности. Все его многочисленные работы обычно представляют собою красочные биографии исторических деятелей, изложенные подчас с большим драматизмом. Эта литературность, подчас не лишенная блеска, составляет характерную черту сочинений Бильбасова. Но его работы вовсе не были литературной обработкой исторических сюжетов и не сводились к биографии в обычном смысле слова. Своих героев Бильбасов изображал на широком историческом фоне, а их деятельность служила средством для изображения всей эпохи. В то же время его труды были произведениями эрудита, основанными на солидной документальной и историографической базе. Бильбасов был знатоком источников по кругу интересовавших его проблем. Обычно поводом для появления его работ служил выход в свет на Западе новых исторических документов. Иногда малоизвестные в России документы Бильбасов давал в русском переводе как приложение к своим исследованиям.

Крупными трудами Бильбасова были его диссертации, связанные единым комплексом проблем. В магистерской диссертации «Крестовый поход императора Фридриха II из дома гогенштауфенских герцогов» (1863), основанной на французской коллекции документов «*Historia diplomatica Friderici Secundi*», изданных Гийярд-Бреголем (1859), исследовалась история крестового похода 1228 года¹⁶. Докторская диссертация «Поповский король Генрих IV Распе, ландграф Турингии из дома Людовика Бородатого» (1867) была посвящена личности антикороля, выдвинутого папой в противоположность Фридриху II. В этих работах Бильбасов воссоздал чрезвычайно сложную борьбу между Фридрихом II Гогенштауфеном и папским престолом. Он показал, что эта

¹⁵ Там же, стр. 42.

¹⁶ С темой о Фридрихе II Гогенштауфене были связаны рецензия В. А. Бильбасова «*Petrus de Vineis*» (1865) на работу того же Гийярд-Бреголя «Жизнь и переписка Петра Винейского», посвященная канцлеру Фридриха II, статьи «Культура при императоре Фридрихе II» (1865), «Император Фридрих II — папа светской церкви» (1866) (см. «Исторические монографии». Т. 5 СПб. 1901), а также работа «*Kaiser Friedrich II und heilige Elisabeth*», опубликованная в Германии в 1867 году. С темой о папском престоле, с которым вел борьбу Фридрих II, связана статья «Папссиса Иоанна» (1871) (см. «Исторические монографии». Т. I).

борьба, прикрываемая всякими благовидными предложениями и благочестивыми декларациями, велась как папой, так и императором за власть и наживу. Бильбасов изображал ее как историю кровавого произвола.

По словам Бильбасова, уже в начале своей деятельности он поставил перед собой задачу написать историю Германской империи первой половины XIII в. и начал исследования «с отдельных событий и явлений... пока, наконец, сумма отдельных работ даст возможность всесторонне понять как ту эпоху... так и ту личность, которая служит наиболее полным представителем этой эпохи»¹⁷. Перечисленные работы были результатом поставленной задачи и явились значительным вкладом русской науки в изучение истории Германии того времени.

Ко второму комплексу проблем принадлежат работы Бильбасова о деятелях славянского мира на Западе: «Чех Ян Гус из Гусинца» (1869), двухтомный труд «Кирилл и Мефодий» (1868—1871), а также статья «Легендарный образ Кирилла и Мефодия» (1885). Бильбасов писал о Яне Гусе в связи с 500-летием со дня его рождения. Автор характеризует Гуса как одного из «сильнейших борцов за свободу совести. Чех Ян Гус из Гусинца принадлежал к редким явлениям, отмеченным печатью мирового величия»¹⁸. Здесь рассказано о влиянии Гуса на Лютера. В этой связи Бильбасов опубликовал в русском переводе как приложение к своей книге написанные Гусом в тюрьме перед казнью четыре письма, изданные Лютером в 1537 году¹⁹. Бильбасов указывал на трагическую судьбу чешского народа, подпавшего под иноземное иго.

В труде «Кирилл и Мефодий» (т. I — «Кирилл и Мефодий по документальным данным»; т. II — «Кирилл и Мефодий по западным легендам») Бильбасов выступает против «задней и предвзятой» мысли как католических, так и православных ученых, изображавших Кирилла и Мефодия с конфессиональных позиций. В противоположность этому автор рассматривает их как славянских просветителей. Ряд лет Бильбасов проработал над документами, чтобы отделить достоверное от легендарного в известиях о деятельности Кирилла и Мефодия.

Остальные работы Бильбасова представляют собою статьи по отдельным вопросам и рецензии на зарубежные книги²⁰. Для своего времени они представляли значительный интерес. Некоторые из них, как «Документальные источники хроники Матвея Парижского» (1867) и «Монахиня Росвита, писательница X века» (1872), носят источниковедческий характер. Первая устанавливает, автором каких частей хроники является сам Матвей Парижский, вторая — подлинность произведений Росвиты. Другие из этих работ написаны в обычной манере Бильбасова — через судьбу личности показать главные события эпохи. Рецензия «Иоанна Безумная» (1869) — грустная история 49-летнего заточения «коронованной мученицы деспотизма» — превращается в широкое историческое повествование об эпохе Карла V. В статье «Аббат Полиньяк и польское бескорольевье» (1869) фигура Полиньяка — французского посла при польском дворе — явилась лишь предлогом для описания надвигающейся национальной катастрофы Польши, главной причиной которой в изображении Бильбасова были феодальные распри среди польских панов.

Бильбасов откликнулся и на труды, выходившие в России. Известны рецензии Бильбасова на книги его коллег по Киевскому университету — В. Иконникова и М. Драгоманова. В рецензии «Рим и Византия в трудах киевских историков» (1870) и в особом письме в совет Киевского

¹⁷ В. А. Бильбасов. Поповский король Генрих IV Распе. «Исторические монографии». Т. I, стр. 1.

¹⁸ «Исторические монографии». Т. I, стр. 273.

¹⁹ Это издание с предисловием Лютера Бильбасов обнаружил в Публичной библиотеке в Петербурге.

²⁰ Все рецензии и письма помещены в т. V «Исторических монографий».

университета Бильбасов выступил с резко отрицательной оценкой докторской диссертации Иконникова «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории». Бильбасов решительно возражал против тезиса, что Россия в течение девяти веков якобы топталась на месте в своем культурном развитии. Он доказал, что диссертант некриптически отнесся к источникам, позаимствовал их из вторых рук и строил свои выводы на материале, взятом из чужих книг. Говоря о книге Драгоманова «Вопрос об историческом значении Римской империи», Бильбасов показал, что она представляет собой неудачный пересказ статьи Н. Г. Чернышевского «О причинах падения Рима». Бильбасов отмечал, что Драгоманов, не будучи знаком с римским археологическим материалом, эпиграфикой и литературой, без которых нельзя решить поставленной им проблемы, пытался утверждать, что все эти источники якобы не имеют большого научного значения.

Деятельность Бильбасова как медиевиста была непродолжительной. В 1871 г. он стал фактическим руководителем петербургской газеты «Голос», издававшейся Краевским. Бильбасова стала интересовать история России. Им была задумана 12-томная работа «История Екатерины Второй», выполненная лишь частично.

Одно из наиболее важных мест в рассматриваемой нами группе русских медиевистов занял Николай Алексеевич Осокин (1839—1895), профессор Казанского университета. Объективной оценке его деятельности как ученого в значительной мере мешает одно обстоятельство. Его курс истории средних веков, который он читал на протяжении трех десятилетий, увидевший свет в 1888—1889 гг., получил резко отрицательную оценку таких крупных историков, как В. Г. Васильевский, П. Г. Виноградов и И. В. Лучицкий²¹. Подобный вердикт авторитетных ученых определил собою пренебрежительное отношение к Осокину как профессору. Это отношение не было поколеблено положительной оценкой курса Осокина Д. И. Иловайским²²; оно целиком сохранилось и в советское время²³.

Несомненно, этот курс Осокина давал полные основания для столь резкой оценки. Из-за небрежности автора, не взявшего на себя труд отредактировать собственное произведение, в курсе допущено много ошибок. Все неточности, путаница в фактах, подчас прямые нелепости, накопившиеся в течение многолетнего литографирования лекций студентами, попали и в печатный курс. Все это, разумеется, надо оставить на совести Н. А. Осокина. Однако следует решительно отказаться от традиции видеть в курсе Осокина одни несуразности. Это тем более неуместно, что такая традиция неизбежно бросала тень и на Осокина-ученого. В действительности дело обстоит гораздо сложнее.

Начало деятельности молодого Осокина в Казанском университете ознаменовалось его несколькими работами по истории Италии. Первое место среди этого цикла занимает статья «Заметки по экономической истории Италии» (1864). Эта работа была направлена против тезиса официальной школы о благодетельности социального мира. Осокин опровергает этот тезис на примере Италии XIV—XV веков. Он всячески подчеркивает превосходство буржуазии над дворянством и показывает,

²¹ В. Г. Васильевский. История средних веков Н. А. Осокина. «Журнал Министерства народного просвещения», 1889, август, стр. 386, 387; П. Г. Виноградов. Два университетских курса по всеобщей истории. Журнал «Русская мысль», 1888, кн. XII, стр. 49; И. В. Лучицкий. История средних веков. Университетские чтения проф. Н. А. Осокина... «Киевские университетские известия». 1889. Т. XI.

²² «Русский вестник», 1888, декабрь (речь идет о первом томе курса). Благоприятную оценку курса Осокина мы находим также в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

²³ В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. I. Л. 1929, стр. 120; О. Л. Вайнштейн. Историография средних веков. Л. 1940, стр. 303—304.

что свое благосостояние и политическую свободу буржуазия добыла борьбой. Свой главный вывод о благотворности гражданской борьбы Осокин заостряет до крайности. «Стоит только коснуться истории средневековой Италии, как рассыпаются все мирные иллюзии и мы лицом к лицу встречаемся с фактом оригинальным и непонятным по своей странности. Бесконечная междоусобная резня... не противодействует, а, напротив, способствует экономическому развитию. Чем сильнее кипит резня, чем больше льется крови, тем сильнее богатеют борющиеся граждане, тем больше развивается народное богатство. Спешим заметить, что мы подразумеваем только внутренние войны, что все сказанное нисколько не относится к внешним, которые продолжают, за немногими исключениями, иметь свое губительное влияние на поступательный ход хозяйственного развития»²⁴.

Кроме «заметок», появилось еще несколько работ Осокина по истории Италии²⁵, среди которых выделяется исследование «Савонарола и Флоренция»²⁶. Эта книга характеризует подход автора к оценке социально-политической борьбы. В ней был подвергнут пересмотру большой круг зарубежной литературы о Савонароле. В противовес многим историкам, видевшим в Савонароле только религиозного реформатора, Осокин следующим образом сформулировал свой взгляд на знаменитого деятеля средневековой Италии: «На Савонаролу надо смотреть, как на политического борца, как на представителя известных государственных тенденций, и религиозный элемент в его деятельности можно смело и совершенно основательно отставить на последний план». Автор рассматривал деятельность Савонаролы в связи с политической историей Флоренции и пришел к выводу, что религиозные мотивы у Савонаролы «прикрывали собою политические стремления высокого чистого демократизма»²⁷.

Это был взгляд передовой для того времени буржуазной науки. Одним из примеров для характеристики точки зрения автора может служить его ответ на вопрос о том, почему Савонарола потерпел неудачу. В числе главных причин Осокин называет «недостаток решительности в критические минуты и, наконец, общее во всех его действиях и поступках преобладание мягкости, излишней кротости там, где требовались противоположные свойства в интересах собственного призвания и своего дела»²⁸. Однако в своих оценках Осокин доходит до явной модернизации, считая, что Савонарола «стремится положить идеи новейшего социализма основанием общественной жизни»²⁹.

²⁴ «Ученые записки» Казанского университета. Вып. I. 1864, стр. 33.

²⁵ К «Заметкам по экономической истории Италии» непосредственно примыкает исторический очерк Н. А. Осокина «Аттендоло Сфорца и королева Иоанна II» («Ученые записки» Казанского университета. Вып. II. 1864), написанный им по источникам. Несколько позже Осокин вновь вернулся к итальянской тематике, написав книгу «Неаполитанские государи в XIV веке» (1873), основанную также на источниках.

Н. А. Осокин постоянно следил за русской литературой по истории Италии, о чем свидетельствует его рецензия на книгу И. Н. Смирнова «Отношения Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV века» («Ученые записки» Казанского университета. 1881. № 2, стр. I—II). В этой рецензии Осокин, между прочим, возражает против утверждения автора, что церковь была хранительницей городской свободы. Работая в итальянских архивах, Осокин издал впервые одну из рукописей известного историка Тридентского собора Паоло Сарпи (Н. Осокин. К биографии Паоло Сарпи. Незданный документ из Венецианского государственного архива. Казань. 1880).

²⁶ Н. А. Осокин. Савонарола и Флоренция. «Ученые записки» Казанского университета. 1863. № 1.

²⁷ Там же, стр. 8.

²⁸ Там же, стр. 6.

²⁹ Там же, стр. 12. Отдавая дань своим ранним литературным увлечениям (первой печатной работой Н. А. Осокина был рассказ «Ключница». «Сын отечества», 1859, № 35), автор избрал несколько необычную форму изложения для своей книги. Она состоит из отдельных очерков, где рассуждения историка перемежаются с диалогами и живописными сценами.

Главное место в исследовательской работе Осокина занимает его двухтомный труд «История альбигойцев и их времени». Первый том, «История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III» (Казань. 1869), явился его магистерской диссертацией; второй том, «Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами» (Казань. 1872), — докторской. В этом труде Осокин зачастую рассматривал борьбу католицизма и ересей как чисто идеологическое явление, загромождая изложение многими догматическими подробностями. Он склонен был считать, что в этой борьбе папство выступало носителем цивилизации. На события в католическом мире автор иногда смотрел глазами сторонника православия и т. д., но в целом этот труд Осокина явился крупным вкладом в изучение истории Южной Франции первой половины XIII века. До того времени в западной литературе не было сводной работы такого масштаба по истории альбигойцев. Что же касается русской историографии, то в ней эта тема не разрабатывалась вовсе.

Н. А. Осокин мобилизовал огромный архивный материал, хранящийся в Национальной библиотеке в Париже, в особенности протоколы инквизиционных трибуналов Южной Франции, воссоздав достаточно подробно фактическую картину развития альбигойского движения и его разгрома. По богатству фактического материала, основанного на источниках, труд Осокина сохраняет свое значение и в наши дни. Монография Осокина об альбигойцах представляет большой интерес и по своей методологии. «Вопросов истории церковной нельзя отрешить от политических и социальных»³⁰, — так формулировал автор свою задачу, и решил он ее довольно успешно.

Интерес Осокина к развитию экономики, который мы наблюдали в «Заметках по экономической истории Италии», его стремление излагать борьбу идей в связи с социально-политической борьбой, как это было видно на примере книги о Савонароле, заставляли автора изучать историю не только самих альбигойцев, но и их «времени», углубляться в исследование экономической и социально-политической обстановки интересующих его событий. К этому толкал Осокина и самый материал первоисточников. В результате появился научный труд, где сделана попытка средствами буржуазной науки показать альбигойцев и борьбу с ними как вопрос не только церковный и идеологический, но и вскрыть те общественные силы, которые скрывались за религиозной оболочкой.

Н. А. Осокин пришел к выводу, что почвой, на которой выросла ересь, послужило прежде всего торгово-промышленное развитие юга Франции. Вся система городских отношений приходила в противоречие с церковными установлениями. «Изучить политическое и социальное положение городов на юге Франции, — писал он, — значит открыть ключ к познанию основных причин альбигойской ереси»³¹.

Альбигойское движение, выражавшее борьбу южных городов за политическую и религиозную самостоятельность, сталкивалось не только с католицизмом, но и с централизаторской политикой французских королей. Оценивая альбигойские войны, Осокин считал, что присоединение Лангедока к Франции носило прогрессивный характер, поскольку «по отношению к феодализму французское завоевание было благоприятно в интересах водворения порядка»³². Вместе с тем автор отметил, что это присоединение было сделано варварскими средствами, где крест и меч играли одинаково кровавую роль. Инквизиция, эта «гангрена католицизма», была одним из главных средств расправы с альбигойцами. К числу

³⁰ Н. А. Осокин. История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III, стр. III.

³¹ Там же, стр. 57—58.

³² Н. А. Осокин. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань. 1872, стр. 396.

ярких страниц книги принадлежит разоблачение на основе документов самой инквизиции разработанной ею системы святого судилища³³.

Н. А. Осокин сочувственно показал борьбу народа против завоевателей — не один раз народные восстания очищали Южную Францию от трибуналов инквизиции. Однако народные массы Лангедока были преданы своими феодалами. «Не во имя свободы совести готовились феодалы воспользоваться народной кровью. Опыт несчастий научил их, как опасно быть на стороне людей, гонимых церковью... Они отреклись от своих прежних друзей, продали их тем же монахам и тем же инквизиторам, думая вымолить поддержку или хотя немое содействие церкви»³⁴. После этого народ продолжал бороться один, не доверяя своим верхам. «Альбигойцев слишком часто обманывали, чтобы они могли верить в вельмож и князей»³⁵, — писал автор. Но это, по оценкам Осокина, уже была борьба бессильного гнева. Осокин говорит и о тех тяжелых последствиях, которые принесла инквизиция Южной Франции. Религиозные преследования, изгнания и постоянный страх за жизнь расстраивали, приводили в упадок торговлю и ремесло недавно процветавших городов.

Особое место в деятельности Н. А. Осокина заняли лекционные курсы по многим разделам всеобщей истории, в особенности курс средневековья, сыгравший столь печальную роль в его профессорской биографии³⁶. Эти курсы строились под сильным влиянием гегельянских канонов: «Идея есть дух событий — внутреннее связующее их направление. Факты есть отражение идей. Исследование, группировка по категориям, определение этих категорий идей — составляет предмет университетского курса»³⁷. Развитие идей, а следовательно, по мнению Осокина, и ход исторического процесса совершаются путем борьбы противоположностей. «С полным развитием известного явления неразрывно связано начало его падения и замена его другой формой; движение присуще истории, застоя в действительности не существует; а между двумя противоположными явлениями следует борьба»³⁸. При изображении исторического процесса Осокин исходит из так называемого закона реакции, согласно которому «в истории всегда наблюдается следование двух взаимно противоположных начал», а потому один ряд явлений неизбежно должен сменяться другим рядом, ему противоположным.

Ход истории представлялся Осокину как процесс, целесообразно направленный, как процесс определенного исторического закона: «Исторический закон должен совершиться, но время не определено, столетие или год — безразлично»³⁹. В этом свете Осокин рассматривает и роль личности в истории: личность — орудие тех или иных идей и законов.

Но все эти формулы гегельянского происхождения выступают у Осокина в осложненном виде, так как его деятельность протекала в обстановке новых веяний. Положение о приоритете идей Осокин дополняет тезисом о значении экономических условий: «Одни идеи, как бы ни влияли на современников, не создадут сами по себе событий. Есть обстоятельства, которые способствуют осуществлению этих идей. Это так называемые экономические условия, без влияния которых не может разви-

³³ Там же, стр. 139.

³⁴ Там же, стр. 302.

³⁵ Там же, стр. 342.

³⁶ Н. А. Осокин. История средних веков с приложением очерка средневековой историографии. Т. I. Казань. 1889; т. II, ч. I-я (XIII столетие); ч. 2-я (XIV и первая половина XV столетия). Казань. 1889. Дополнением к этому служит: его же. Вступительная лекция в курс истории XIII века. «Ученые записки» Казанского университета. 1868. № IV.

³⁷ Н. А. Осокин. Курс лекций по новой истории. Казань. Без даты (литогр.), стр. 4.

³⁸ Н. А. Осокин. Вступительная лекция в курс истории XIII века, стр. 677—678.

³⁹ Н. А. Осокин. Курс лекций по новой истории, стр. 8.

ваться история»⁴⁰. Однако рассуждения Осокина об экономических условиях в конечном счете были подчинены его тезису о приоритете идей. «Историческое место народа зависит не от его материальных сил, не всегда даже от его политического значения, а от того участия, которое он имеет в области интеллектуального развития, от участия его в прогрессе знаний»⁴¹.

Помимо перечисленных методологических положений, курс средних веков строился у Н. А. Осокина также под заметным влиянием идей О. Тьерри и Ф. Гизо, как это было, например, у М. С. Куторги и М. М. Стасюлевича. Из всех западных историков Осокин выше всех ставил именно О. Тьерри и Ф. Гизо, полагая, что они «не растягивали историю на политической дыбе» и французы до них «не имели понятия о настоящей своей истории»⁴².

Раннее средневековье в концепции Осокина — это неравная борьба между победителями — германцами, составившими господствующий класс, и побежденными — галло-римлянами, превратившимися в трудящихся, тягловое сословие. «Историческая жизнь, — по выражению Осокина, — принадлежала только высшим классам, потомкам победителей. Многолюдная же масса побежденных, римлян и галлов, не жила исторической жизнью»⁴³. Н. А. Осокин рисует феодализм не только как политическую систему, но и как строй, опиравшийся на земельную собственность феодалов. Наиболее мощной силой, выступившей против феодализма, были города. Историю средневековых коммун Осокин изображает в полном соответствии с идеями О. Тьерри. Подчеркивая революционный характер коммунальных движений, действовавших в союзе с королевской властью против феодалов, Осокин решительно выступает против революционных движений, возникавших помимо короля, против короля и бюргерства. Борьба городов приводит в конечном счете к ликвидации феодализма. Английская буржуазная революция XVII в. наряду с Вестфальским миром выступает в концепции Осокина как событие, подводящее итоги средневековью и открывавшее эпоху нового времени.

Вместе со вторым томом курса истории средних веков был издан и курс Осокина по средневековой историографии. Последняя работа имеет значение лишь библиографического справочника. Автор не сделал никакой попытки разобраться в идеологических течениях средневековой историографии. Периодизация, которую Осокин наметил в развитии средневековой исторической мысли, является совершенно произвольной. Первым периодом он считал время до 800 г. — столетия падения римского влияния; вторым — от 800 г. до гуманизма (полоса «национальной» историографии); третьим — период «ложноклассической» (гуманистической) историографии. Подводя итоги, можно, однако, сказать, что деятельность русского буржуазно-либерального медиевиста Осокина, взятая в целом, решительно колеблет традиционную, в значительной мере преувеличенную оценку этого ученого, сложившуюся в историографии. Таковы сильные и слабые стороны научной деятельности М. М. Стасюлевича, В. А. Бильбасова и Н. А. Осокина — этой забытой группы медиевистов. В истории русской историографии XIX в. они должны занять свое место.

⁴⁰ Там же, стр. 164.

⁴¹ Н. А. Осокин. Вступительная лекция в курс истории XIII века, стр. 696.

⁴² Н. А. Осокин. История средних веков... Т. I, стр. 124—125.

⁴³ Там же, стр. 5.